

Чёрный Охотник

Кервуд Джеймс Оливер

ЧЁРНЫЙ ОХОТНИК

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
К36

Перевод с английского Марка Волосова

Кервуд, Дж. О.

К36 Чёрный Охотник / Дж. О. Кервуд; [пер. с англ. М. Волосов]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 290 с.

ISBN 978-5-521-74512-8

Остросюжетный роман американского писателя Д.О. Кервуда, жившего и творившего на стыке столетий, как и многие из его произведений, посвящён Северной Канаде – краю необычайно красивому, но чрезвычайно опасному. Кервуд был весьма успешным писателем – в двадцатых годах прошлого столетия он был самым высокооплачиваемым автором в мире. Его произведения удачно продолжают традиции формата, предложенного Д. Лондоном. Очень часто герои произведений Кервуда – животные. Герои романа «Чёрный Охотник» – люди смелые, сильные характером, способные выйти из любой ситуации с честью. В книге читатель встретит все присущие приключенческому жанру черты: лихо закрученный сюжет, интриги, захватывающие дух описания природы северных земель.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

ISBN 978-5-521-74512-8

© Перевод. М. Волосов, наследники, 2018

Глава I. Ледяное «крещение»

Это происходило в поздний летний вечер приблизительно сто семьдесят лет тому назад. Теплая нега бабьего лета окутала сонную, почти необитаемую глушь. У ног молодых людей, глядевших на этот рай тишины и покоя, протекала таинственная река Рипелье, спеша соединиться с рекой Святого Лаврентия, отстоявшей на двадцать миль на север.

На юге, милях в шестидесяти от этого места, находилось озеро Шамплейн, а за ним ненавистные англичане и могауки — «красная чума» лесных братьев, — яростно оскалившие зубы на Новую Францию.

Все это, а, пожалуй, даже больше, было вырезано на пороховом роге тончайшими линиями, словно паутинки, и на это молодой колонист потратил несколько недель неустанного труда.

Он гордился своей работой. В выражении его глаз сквозило самолюбие художника, когда он впервые представил свое произведение на суд другого человека.

Юноша обещал вскоре превратиться в мужчину, и в этом немалую роль играла неумолимая дисциплина жизни в лесах, которым, казалось, не было конца. Ему шел двадцатый год. На первый взгляд он не казался ни крупным, ни крепко сложенным. У него была тонкая фигура, и казалось, что он всегда готов к какому-то быстрому движению. Голова его была покрыта густой шапкой светлых волос, серые глаза смотрели присталь-

но и открыто, и ни один индеец не мог бы быстрее его и более тщательно охватить все детали горизонта.

Его звали Давид Рок, но, несмотря на свое английское имя, он душой и телом принадлежал Новой Франции, историю которой он вырезал на своем пороховом роге.

Про девушку, стоявшую рядом с ним, можно было сказать, что она еще более прекрасна, чем эта чудесная страна. Ее голова приходилась чуть-чуть выше плеча молодого человека. По ее спине до самого пояса спадали две толстые косы. На лице у нее горел румянец, глаза сверкали от счастья и гордости, когда она принялась рассматривать пороховой рог, который подал ей её возлюбленный.

Ее звали Анна Сен-Дени.

— Мне даже не верится, что это сделано человеческими руками! — воскликнула девушка. — О, я так горжусь тобой! Я была бы счастлива, если бы только могла показать это матушке Мэри и подругам по школе. Когда я вернусь в Квебек, я расскажу им, что мой Давид — художник.

— Я страшно рад, что тебе это нравится, — сказал юноша, и лицо его залилось краской.

— О, это даже красивее, чем ее картины, которые развешаны по стенам нашей монастырской школы. И подумать только — неужели это сделано ножом?

— Да, только ножом, — ответил Давид Рок. — На крепком буйволовом роге, купленном мной у одного индейца. А тот забрал его у врага, которого он убил в бою два года тому назад.

— Уф! — с дрожью в голосе отозвалась девушка.

— Но ведь это нисколько не портит рога, — не правда ли, Анна?

— Нет, нисколько, это верно. Но я ненавижу войну, ненавижу убийства... несмотря на то, что в нашей стране кровопролитие не прекращается ни на один день. И я предпочла бы, чтобы человеческая кровь не была замешана здесь.

— Ты лучше переверни этот рог, Анна, — сказал молодой человек прерывающимся голосом. — Там еще кое-что есть... чего ты еще не видела.

Девушка повернула рог и пристально взгляделась. Над рисунком, изображавшим густую чащу сосен на небольшом холмике, были выцарапаны две строки. Она ближе поднесла рог к глазам и прочла:

— «Я люблю тебя. Я до последнего издыхания готов биться за тебя. Д. Р. Сентябрь 1754».

— Это относится к тебе, Анна, — снова заговорил юноша. — И то, что я написал здесь, правда. Я готов вступить в бой со всем миром ради тебя.

Он говорил, глядя вдаль через голову девушки, и старался владеть собой и говорить твердым голосом, но невольно в его словах чувствовалось какое-то еле ощутимое подозрение, нечто вроде детского страха или слабости, которое он стал испытывать в последнее время.

Это не ускользнуло от внимания девушки. В течение нескольких секунд она продолжала стоять, прижи-

мая к груди драгоценный рог. Потом она уронила его на мягкую зеленую траву и быстро повернулась к своему возлюбленному. Ее руки ласково прикоснулись к его лицу. Юноша крепко обнял ее, и прижал к себе, а пальцы его ласкали густые, шелковистые косы.

В течение некоторого времени Анна глядела на него, и в ее глазах светилась безграничная любовь, которую молодые люди питали друг к другу почти с самого детства. Она протянула ему губы и прошептала:

— Поцелуй меня, Давид.

Спустя некоторое время она осторожно высвободилась из его объятий.

— Тебе не придется ни с кем драться за меня, Давид. Ты это хорошо знаешь. Знаешь, что я тебе скажу...

Глаза девушки внезапно загорелись шаловливым огоньком.

— Представь себе, я даже осмелилась сказать матушке Мэри, что горю желанием скорее окончить школу, так как в противном случае я не могу выйти замуж за тебя!

— Как бы я хотел, чтобы уже больше не было этой школы! — воскликнул Давид Рок.

— Неужели ты это серьезно говоришь? — изумилась девушка.

— Совершенно серьезно. Для меня никакой другой школы не существует, кроме лесов. Тебе не нравится мысль, что мне приходится драться, а между тем мне ни-

чего другого не остается делать. В лесах никогда не прекращается война. И никогда не прекратится. И мы, которые не знаем школ, должны неустанно наполнять порохом свой рог и драться с англичанами и ирокезами. А в это время в городе Квебеке, — в котором, говорят, теперь живет уже восемь тысяч человек! — мужчины живут праздну, как короли, молодежь растёт джентльменами-белоручками, а из девушек выходят важные дамы...

— И важные дамы влюбляются, конечно, в джентльменов, — закончила за него Анна. — Почему ты прямо не скажешь то, что у тебя на уме, Давид?

— Я ничем не могу помочь себе в этом.

— Но зато мой «джентльмен» одет в лосиную кожу, которая мягка на ощупь, как бархат. И это одеяние — истинный панцирь храбрых рыцарей с реки Ришелье и всегда им останется! — воскликнула девушка.

— Но все-таки я боюсь, Анна, и мой страх растёт в последнее время с каждым днем, — продолжал Давид Рок.

Наконец-то он собрался открыть то, что угнетало его вот уже столько месяцев!

— Ты боишься? Но чего, Давид?

Резким, порывистым жестом Давид Рок указал ей на ружье, которое он раньше прислонил к стволу упавшего дерева.

— Вот все, что у меня есть, — да еще моя мать. И больше ничего.

— Наша мать, ты хочешь сказать, — укоризненно заметила девушка. — Ты забываешь, Давид, что она наполовину моя.

Безудержная радость звучала в голосе юноши, когда он снова заговорил, но, по мере того как он продолжал, эта радость стала мало-помалу исчезать.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, Анна. Твой отец — сильный барон и самый могущественный сеньор в окрестностях. А твой дом — большой замок, между тем как мы живем в бревенчатой хижине в глубине леса.

— Ну и что же? — прервала его Анна, капризно мотнув головой.

— И ты слишком прекрасна...

— Не более прекрасна, чем твоя работа на этом роге, — снова прервала его девушка.

— ...ты любишь богатые наряды и красивые шелка и кружева...

— Я люблю их видеть на красивых девушках.

— ...но это все подходит к батистовому белью и золотым оторочкам на костюмах мужчин! — горячо продолжал юноша. — Это больше подходит к обществу клинков и изящных треуголок, чем к этому ружью и пороховому рогу.

— Прямо изумительно, как ты правильно рассуждаешь, — согласилась Анна и опустила глаза, чтобы ее молодой возлюбленный не прочел затаенного смеха.